

— Не могу сказать, что моя судьба в театре была удачной. Хотя мне везло с ролями, партнерами, учителями. Особо благодарен Людмиле Семеняке. Она стала и партнером, и учителем, помогла поверить в себя. Я был птенчиком, который о чем-то мечтал, чем-то грезил, но будущее казалось слишком туманным. Благодаря Семеняке после пяти лет работы в кордебалете вышел на сцену в роли Принца Дезира («Спящая красавица»). А уж после этого станцевал в Большом весь репертуар. Но, к сожалению, больше ничего нового в театре не предвидится. А в Дании мне сразу предложили интереснейшую работу — спектакли датского класси-

Свершилось: после изнурительной реставрации наконец-то вернули Большому театру великолепную квадригу. Вот только воспринимаются кони теперь иначе. Вместо символа праздничного лицедейства, объединяющего людей, они стали предвестниками ухода, разлуки, прощания. Так распорядилось время. Большой театр, исторически — храм искусства, еще недавно — предел мечтаний любого артиста, сегодня привычно расстается со своими ведущими мастерами.

Сначала бесцеремонно распрощался со «звездами» старшего поколения, а теперь родные стены покидает молодежь.

На днях контракт с Датским королевским балетом подписал 28-летний Юрий ПОСОХОВ —

романтический «принц», сегодняшний танцовщик номер один Большого театра. Встретились мы с Юрием накануне его отъезда, когда он, можно сказать, подводил черту под определенным этапом жизни.

Неделя. — 1992. — сент. (№ 37). — с. 14.

ТАКОЕ ГРУСТНОЕ ГРАН-ПА

ка-хореографа Бурнонвиля и великого Баланчина, которые идут во всем мире, кроме Большого театра.

— А почему возникла именно Дания? Обычно наши танцоры уезжают по проверенным маршрутам — в труппы Англии и Америки. В Данию, насколько я знаю, ты едешь первым.

— Так сложились обстоятельства. Дело в том, что в Токио зимой на гала-концертах Нины Ананишвили мне неожиданно предложил заключить контракт с Датским королевским балетом Френк Андерсен, художественный руководитель этого театра. Я долго колебался, дважды отказывался. А потом понял: сегодня это мой единственный шанс.

— И все-таки как ты решился на этот рискованный шаг? Большой театр — фирма, которая обеспечивает танцору стабильное положение. Правда, Большой театр на протяжении многих десятилетий ограничивается определенным набором классических балетов. Не только современной западной хореографии, но и большинству классических постановок (тех же Бурнонвиля и Баланчина) путь на эту сцену закрыт. Может быть, тебя не удовлетворяет консервативная репертуарная политика?

— Не только. Хотя еще года два назад я был убежден: хореография, которую я танцую, — самая лучшая, я воспитывался на ней и считал, что она всегда будет для меня неизменным идеалом. Решаясь на отъезд, многое заново осмыслил... Знаешь, не так давно я станцевал две премьеры — «Блудный сын» и «Баядерку». Для меня эти спектакли были праздником, особенно «Блудный сын» Прокофьева—Баланчина, как глоток свежего воздуха. Не уверен, что эти мои чувства разделяли многие коллеги. А ведь как встречали премьеры в Большом раньше, какой у всех был эмоциональный подъем, сколько переживаний, слез, радости! Последние же премьеры прошли как бы на «нуле». Сейчас вообще в театре общее состояние — безэмоциональное, что ли. Плышем по течению: что есть — то есть. Были планы, мечты, но уже никто не верит, что ситуацию можно сдвинуть с мертвой точки.

По натуре я был довольно кротким, но тихому, спокойному человеку в Большом театре не выжить. Раньше гасил негодование в себе, теперь выплескиваю наружу — таковы «правила игры». Все думают только об одном — деньги, дачи, квартиры, машины...

— Что ж, все закономерно: когда смещены акценты и творчество перестает для

ЕСЛИ «ЗВЕЗДЫ» ПОКИДАЮТ БОЛЬШОЙ, РАЗВЕ ОТ ЭТОГО КОМУ-НИБУДЬ ЛУЧШЕ?

артистов быть главным, просто необходимо заполнить этот вакуум чем-то иным.

— Конечно, если б творчество было... Впрочем, это ведь проблема не только Большого. Разве можно предположить: вокруг — бардак, а Большой театр — некий островок, где все уравновешенно, гармонично? О культуре забыли напрочь, а если кто и вспоминает, так это бизнесмены — чтобы деньги отмыть.

Проработав в театре десять лет, я поймаю себя в том, что тоже стал погружаться в бытовые проблемы. Пойми, устаешь каждый день по часу ездить на работу в метро, особенно перед спектаклем, который требует огромной физической и эмоциональной нагрузки. У меня никогда не было собственной квартиры, а администрацию театра не волнует, как живут артисты. Все это вещи, о которых и говорить то противно. Но неустраивает меня на самочувствие, на работу. Я стал «ковыряться» в бытовых проблемах и вдруг понял: от меня уходит основное, уходит профессия. Поэтому, когда подписал контракт, как бы внутренне очистился, раскрепостился. У меня опять появились какие-то идеи, планы...

— Ну, а как в театре отнеслись к твоему отъезду, и вообще — как относятся к тому, что бегство из Большого стало повальным явлением?

— Года три назад, когда наши ребята только начали уезжать, для всех это было шоком, об этих отъездах только и говорили, а сейчас... привыкли. Я не хотел порывать с Большим, думал оформить отпуск на год, но мне вежливо предложили написать заявление об уходе. Правда, предупредив, что на следующий сезон могу подписать с театром контракт. Я сентиментален, верю, что не расстанусь с Большим навсегда, для меня это по-прежнему лучший театр в мире.

Характерная деталь. Только что Датский королевский балет покинул ведущий солист Николай Юббе — он едет по контракту в «Нью-Йорк сити балле». Ты бы видел, как в театре его провожали! Все

Юрий Посохов — Ромео.

в один голос говорили: мы рады за тебя, Николай, приезжай в любой момент обратно, ждем тебя! У нас же в театре даже трудно представить подобную реакцию. Отпечаток безразличия буквально на всем. Если, к примеру, ты помотришь буклеты моих последних гастролей с Большим театром в Париже и Латинской Америке, где я был одним из тех, кто нес основную репертуарную нагрузку, то не увидишь ни одной моей фотографии. А в буклете, подготовленном для Латинской Америки, даже не упоминается моя фамилия. Так

что психология администрации понятна: незаменимых нет.

— Два года назад я брал интервью у солиста Мариинского театра Фаруха Рухиматова: он отказался продлить контракт с «Нью-Йорк сити балле», не выдержав условий новой «среды обитания». Не боишься тоже оказаться в такой ситуации?

— Главное препятствие для меня — рутина, а не психологический барьер. Надеюсь, со мной поедут жена (она переводчик) и сын... В последнее время я сильно изменился внутренне, иным стал круг общения, изменились взгляды на искусство. К примеру, раньше я любил импрессионистов, это соответствовало моему наст-

роению и сценическому имиджу «вечно-го принца», я и в жизни был таким: меланхолик, медленно движущийся «объект». Сейчас во мне кипит другая кровь, появились другие интересы. Влечет живопись XX века — порой жалею, что не родился в начале века, когда чувства были накалены до предела. Люблю Филонова, мне близок Дали, каждая работа которого требует от смотрящего эмоционального напряжения, нравится Пикассо с его иррациональным мышлением.

Я устал быть как все, устал все время жертвовать чем-то ради коллектива (чему нас учили многие годы). Я целиком ушел в себя и теперь выстраиваю свой собственный мир (поэтому мне так близок Набоков с его поразительным умением выразить состояние духа). У меня появились друзья-художники. Судьба свела с режиссером Юрием Борисовым — заканчиваю сниматься в его фильме «Вальс «Мefисто», по мотивам произведений Пушкина, Гете, Томаса Манна (играю драматическую роль — артиста балета, эдакого «Фауста»).

Знаю, в Дании будет тяжело без друзей, без нашей публики, которая ждала моих выступлений. Но все это уходит на второй план, когда я размышляю о том, ради чего покидаю страну, любимую сцену... Танцовщиком я стал, на первый взгляд, случайно (отец — военный служащий), но с детских лет балет — моя жизнь, мое мировоззрение. А когда работаешь в Большом — ощущение, что все за тебя решает кто-то другой. Контракт в Дании — мой первый самостоятельный шаг, теперь я сам хозяин своей судьбы.

— И неизвестность тебя совершенно не пугает?

— Сейчас она притягивает гораздо больше, чем прочное, стабильное положение. У меня контракт на год — подписать на больший срок, как предлагали датчане, было морально тяжело: еще посмотрю, как все сложится. Хотелось бы быть внутренне свободным. Истинное удовлетворение мне приносит не место работы, не удачно заключенный контракт, а тот счастливый миг возвышенного состояния души, которое вдруг наступает на репетиции или спектакле. Это случается не так часто, но ради этого мига стоит творить.

Выходя из театра, мы встретили очень известную прима-балерину Большого. «Как дела?» — спросила она Посохова. «Уезжаю работать в Данию». — «А, ну пока», — бросила она равнодушно, не выразив ни интереса, ни удивления, ни сожаления...

Вадим ВЕРНИК.